

Иосиф [Петровыч], иером. Речь перед защитой [магистерской] диссертации «История иудейского народа по Археологии Иосифа Флавия». [Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903] // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 10. С. 298–304 (2-я пагин.).

Рѣчь предъ защитою диссертациі „Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Іосифа Флавія“.

Предметомъ изслѣдованія моего служитъ Исторія Іудейскаго народа, какъ она представляется по даннымъ „Археологіи“ Іосифа Флавія. Задачу сочиненія составляетъ критическая оцѣнка и разработка этихъ данныхъ, попутно съ попыткой представить Іудейско-историческій матеріаль Іосифа въ его болѣе научномъ практически-стройномъ порядкѣ и видѣ...

Нѣтъ надобности доказывать насущную для русской Библейско-исторической литературы необходимость особаго труда въ такомъ родѣ. Это хорошо знаетъ всякій, кому приходилось имѣть дѣло съ Іосифомъ. Представляя исключительно-богатѣйшіе, благодарнѣйшіе матеріалы для Библейско-Іудейской исторіи, впервые непрерывно на всемъ протяженіи ея отъ Адама до послѣднихъ временъ жизни Іосифа, т. е. (начала II или) конца I вѣка по Хр.,—при томъ матеріалы весьма часто имѣющіе значеніе первоисточниковъ, Іосифъ положительно не можетъ быть игнорируемъ ни въ одномъ изъ серьезныхъ и ученыхъ изслѣдованій Библейско-исторической науки. Къ сожалѣнію, такому значенію матеріаловъ Іосифа не сообразуется *удобство* и легкость пользованія ими и примѣненія къ дѣлу. Матеріалы эти можно уподобить въ данномъ случаѣ драгоценной рудѣ, въ которой драгоценный и обильный составъ перемѣшанъ съ массою излишнихъ ненужныхъ примѣсей, отдѣленіе которыхъ необходимо должно предварять и обусловливать чистую пригодность и цѣнную примѣнимость Іосифовыхъ сокровищъ...

До сихъ поръ такая работа очистки и приспособленія Иосифа носила частный и случайный характеръ. Ею занимался по необходимости всякій, кому надо было неминуемо обращаться къ помощи знаменитаго Иудейскаго историка,— но занимался, большею частію, только въ отдѣльныхъ случаяхъ, по отдѣльнымъ нуждамъ, въ области отдѣльныхъ частей и мѣстъ Иосифовой Археологіи. Полнаго обстоятельнаго обзора и оцѣнки его матеріала, въ специально ему посвященномъ трудѣ—сколько намъ извѣстно—до сихъ поръ нѣтъ не только у насъ въ Россіи, но не появлялось и за границей. Имѣвшіе нужду въ критическихъ провѣркахъ Иосифа, при пользованіи его матеріалами, или сами пролагали себѣ дорогу, подъ руководствомъ установившихся и болѣе или менѣе справедливыхъ сужденій о немъ и собственнаго болѣе или менѣе частичнаго изученія, или вынуждаемы были искать результатовъ критическаго отношенія къ Иосифу въ столь же неполно дающихъ его трудахъ другихъ авторитетовъ, по столь же случайнымъ надобностямъ подвергавшихъ матеріалы Иосифа болѣе или менѣе плодотворной критикѣ. Быть можетъ, всѣ такія случайныя или частичныя критическія обслѣдованія матеріаловъ Иосифа—въ совокупности даютъ достаточно полный, всесторонній и обстоятельный обзоръ *всего* Иосифа, и позволяютъ не особенно сѣтовать объ отсутствіи особаго специальнаго подробнаго свода результатовъ критическаго отношенія къ Флавію; по крайней мѣрѣ, для нашего труда многіе изъ этихъ критическихъ работъ представили богатѣйшіе, дающіе послѣднее слово науки матеріалы. Однако, это ничуть не умаляетъ, конечно, значенія и умѣстности такого рода труда, который бы до извѣстной степени избавлялъ отъ необходимости, при изученіи и использованіи Иосифа, разбрасываться по всѣмъ закоулкамъ необъятной литературы о немъ, а тѣмъ болѣе всякій разъ съизнова начинать нелегкое дѣло критической оцѣнки его особенностей и его достоинства и авторитетности въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ и вообще.

Показавъ умѣстность и насущную необходимость появленія трудовъ, подобныхъ предлагаемому, — только конечно подобныхъ ему не по имѣющимъ оказаться недостаткамъ,— и опираясь на собственное искренне-скромное убѣжденіе,

что для науки нужны и неудачи,—мы безъ всякаго сомнѣнія готовы отстаивать за нашимъ трудомъ и его права на существованіе, и именно—на существованіе небезполезное. Намъ извинить за эту смѣлость всякій, кто знакомъ съ Іосифомъ не по наслышкѣ, а по собственнымъ нуждамъ и обращеніямъ къ нему и къ литературѣ, его касающейся.

Три обстоятельства дѣлаютъ крайне трудными критическую обработку Іосифа: съ одной стороны, крупные недостатки его личнаго характера и литературнаго поведенія, отразившіеся на всей жизни его и такъ характерно воплотившіеся и въ его писательскихъ трудахъ; съ другой—отчасти отсюда проистекавшее крайнее разнообразіе отзывовъ о немъ и отношеній къ нему всѣхъ послѣдующихъ его критиковъ и—такъ сказать—„потребителей“; и наконецъ—его изумительная начитанность, плодовитость и кропотливость, прослѣдить по пятамъ которія въ совершенствѣ нынѣ ни одинъ историкъ не въ состояніи, особенно ввиду того, что большинство матеріаловъ, вошедшихъ въ Іосифа, нынѣ должны быть сочтены безвозвратно утраченными.

Чтобы судить о томъ, насколько различно могло быть отношеніе къ Іосифу, что значитъ вмѣстѣ—имѣть понятіе о томъ, въ какое заблужденіе способны ставить недостатки Іосифа, ненадлежаще принятія во вниманіе, столько же какъ и его достоинства—неизлишне привести здѣсь наиболѣе характерные примѣры.

Верхъ пристрастія къ Іосифу представляютъ—съ одной стороны—Arlin, Abrabanel, съ ихъ партіями. Первый въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ Іосифа расточаетъ безъ мѣры щедрыя и явно преувеличенныя похвалы, не отказывая ему во всѣхъ достоинствахъ историка и почти не оставляя мѣста критическому обсужденію его заслугъ. Прямо противоположны ему—Baron, Calian, Allaz и др., отказывающіе Іосифу почти во всякой заслугѣ. Abrabanel, глубокомысленный экзегетъ, но плохой историкъ, дѣлаетъ смѣлую попытку защищать *Езрейскаго* Іосифа противъ *Греческаго*, и на самыхъ показаніяхъ того, котораго тогда навязывали всему читающему міру, изобличаетъ его слабости и удивительную способность вводить и другихъ въ заблужденія. Fabricius въ своей „Библіотекѣ“ соглашается съ учеными въ томъ, что Іосифъ можетъ занимать важное мѣсто между историками,

и ставить ему въ вину лишь то, что онъ имѣлъ тенденцію подставлять подъ дѣйствительныя библейскія чудеса—естественныя объясненія.

Sanclamente беретъ подъ свою защиту Іосифа противъ всѣхъ нападеній, какія до его времени дѣлались на его труды, и оправдываетъ его съ большою убѣжденностію и энтузіазмомъ. Но особенно характерно выступаетъ различіе воззрѣній на Іосифа при обсужденіи извѣстнаго приписываемаго ему свидѣтельства о Христѣ.

Какъ защитники подлинности этого свидѣтельства, такъ и противники ея — аргументируютъ свою мысль одинаково сильными и—что всего удивительнѣе!—однородно сходными общими основаніями, мотивирующими въ одномъ случаѣ отверженіе, и въ другомъ—защиту.

Касааясь *внѣшней достовѣрности* свидѣтельства, защитники ссылаются на согласіе всѣхъ кодексовъ съ Евсеіемъ, въ то время какъ противники находятъ достаточно парализующею доказательную силу этого аргумента ссылку на согласное молчаніе Церковныхъ Отцовъ до Евсеіа и на противорѣчивыя вообще мнѣнія объ этомъ свидѣтельствѣ Іосифа. Говоря о *стиль* свидѣтельства, одни (защитники) находятъ прекраснымъ соотвѣтствіе его съ остальнымъ текстомъ, чисто Флавіевской выразительности; другіе — наоборотъ — отмѣчаютъ въ немъ какую-то неожиданную тяжеловѣстность, свойственную не столько „Греческому Ливію“, сколько безстрастно-спокойному слогу Св. Писанія. Со стороны *связи*, одни испытываютъ безъ даннаго мѣста ничѣмъ незаполнимую чувствительную пустоту; другіе находятъ, что связь нарушается скорѣе при вставкѣ этого мѣста, чѣмъ безъ него. Въ то, далѣе, время, какъ *содержаніе* мѣста, при облегченіи связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, кажется для однихъ наилучшею защитою,—другіе видятъ прямо въ содержаніи сильнѣйшее препятствіе для признанія подлинности. Обсуждая *смыслъ* свидѣтельства, одни видятъ въ немъ сознательное показаніе въ пользу Христа; другіе читаютъ въ немъ простой пересказъ евангельско-христіанскихъ воззрѣній—уклоняющимся отъ ближайшихъ разслѣдованій незаинтересованнымъ равнодушнымъ историкомъ—повѣствователемъ; иные изобличаютъ двусмысліе или коварную хитрость рассказчика; по мнѣнію третьихъ, Іосифъ исповѣ-

дуетъ здѣсь свои христіанскія убѣжденія—по крайней мѣрѣ, какъ полухристіанинъ, остановившійся лишь на половинѣ дороги, а то и какъ убѣжденный настоящій христіанинъ, и даже умершій якобы—по обращеніи—въ санъ *епископа Иерусалимскаго* !!! Иные находятъ возможнымъ оставлять Іосифа въ числѣ ревностнѣйшихъ Іудеевъ, у котораго истина, однако, пробивается изъ-подъ-пера невольно и увлекаетъ его въ свои свидѣтели; другіе считаютъ его поступокъ лестію, которую онъ—какъ лицемѣрный Іудейскій царедворецъ—написалъ своему—воображаемому христіанскому патрону въ Римѣ, или изъ боязни оскорбить его совершеннымъ о Христѣ умолчаніемъ. Еще иные представляютъ Іосифа ожесточеннымъ врагомъ Христа, который стараніемъ сгладить злобу Іудеевъ къ приверженцамъ Мессіи предохраняетъ Іудеевъ отъ преслѣдованій Римлянъ, не переставая быть вмѣстѣ главнымъ зачинщикомъ нѣкотораго гоненія, переносимаго христіанами. Въ преувеличеніи *значенія* указаннаго мѣста для христіанскаго дѣла — одинъ охотнѣе готовъ потерять всего Іосифа, чѣмъ это единственное мѣсто; другой видитъ въ немъ перль между доказательствами за истину христіанской религіи; третій досадуетъ на христіанскую критику, заподозривающую подлинность этого мѣста, и боится въ этомъ „знаменіи времени“ опасной вражды вообще къ христіанской религіи; наконецъ, четвертый допускаетъ изъ разсматриваемаго мѣста совершенно неожиданное употребленіе, доказывая имъ *естественное рожденіе І. Назарянина*!!

Подобнымъ же образомъ, до сихъ поръ — можно сказать не установилось еще опредѣленнаго однообразія относительно того, насколько Іосифъ былъ или не былъ рационалистомъ. Всѣ мѣста, приводимыя въ доказательство его рационалистическихъ отношеній къ своему предмету и характерно выразившія свою силу въ возможности того, что Іосифъ сочтенъ былъ за полуязычника (*semipaganus*), — достаточно уравниваются противоположными мѣстами, своего рода *ultra*—іудейскаго характера, и наоборотъ...

Все это, правда, касается иногда не собственно *историческихъ* сторонъ дѣла, а напримѣръ—религіозныхъ, экзегетическихъ и т. п. Однако, это же самое наблюдается у Іосифа и тамъ, гдѣ заинтересованною представляется одна чисто-историческая истина. Въ качествѣ общаго примѣра доста-

точно указать на описаніе имъ ближайшихъ и современныхъ событій въ послѣднихъ книгахъ „Археологіи“ и въ „Іудейской войнѣ“, гдѣ онъ такъ искусно обѣдляетъ себя въ неприглядномъ поведеніи за время войны, переходитъ всякую церемонность въ прославленіи Римлянъ, или въ представленіи всей исторіи своего народа по вкусу Греко-Римскихъ читателей. Правда, все это теперь уже выяснено исторіею достаточно, и повторенія грубыхъ ошибокъ въ установкѣ отношеній къ Іосифу въ данныхъ случаяхъ, въ духѣ первыхъ опытовъ, едва ли мыслимо и можетъ прочно укореняться. Но кто же можетъ поручиться, что писатель, столь безцеремонно расправлявшійся съ болѣе важными истинами, не допустилъ той же безцеремонности и недостаточной добросовѣстности во всѣхъ другихъ случаяхъ? Кто можетъ поручиться, что большинство этого такъ называемаго „благодарнаго“ матеріала въ Іосифѣ не перемѣшано съ крупною фальсификаціею чистой истины, какъ это удалось отчасти установить критикѣ во многихъ случаяхъ? — Впрочемъ, не будемъ отдаваться слишкомъ этимъ подозрѣніямъ, такъ какъ это значило бы напрасно подвергать сомнѣнію вообще значеніе знанія, которое — какъ стремленіе къ чистой истинѣ — разъ начинается съ сомнѣнія, по аксіомѣ философовъ, то, конечно, предполагаетъ и неизбѣжную наличность начала, противоположнаго истинѣ... То, что уже успѣла сдѣлать наука для очистки Іосифа, и то, что она вообще способна дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, изыскивая все новые и новые пути, средства и условія успѣшнѣйшаго достиженія чистой истины — наилучшее ручательство, что враждебное истинѣ начало въ Іосифѣ до минимума будетъ парализовано и устранено, послѣ чего яснѣе и совершеннѣе выступитъ все безсмертное достоинство и заслуга Іосифа, которому христіанскій міръ обязанъ массою драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній, какія только достались намъ въ наслѣдіе отъ классическаго міра!....

Въ своемъ трудѣ мы старались не упустить ничего важнѣйшаго, что не напрасно и безплодно затронуто историческою критикою въ трудахъ Іосифа, и имѣетъ болѣе или менѣе существенное значеніе для нашего предмета и приложеніе къ нему. Конечно, болѣе или менѣе идеальное осуществленіе этихъ усилій считаю совершенно превышаю-

щимъ мои слабыя силы и таланты, при наличности которыхъ я не могъ бы и мечтать о достиженіи сколько-нибудь удовлетворительныхъ успѣховъ, если бы, по счастью, не пришли здѣсь на помощь другія благопріятныя условія для моей работы, а главное—еслибы я не былъ того справедливаго убѣжденія, что поступательное движеніе впередъ по путямъ науки достигается не только успѣхами и удачами, но и недостатками и ошибками отдѣльныхъ опытовъ и трудовъ...

Въ заключеніе, мнѣ остается только „усугубить“ *обычную* благодарность за *сверхъ-обычно* нелегкій трудъ моихъ высокочтимыхъ руководителей и рецензентовъ, отъ которыхъ готовъ принять съ подобною же благодарностію всѣ полезныя замѣчанія, не вошедшія въ официальный письменный отзывъ!.....

Иеромонахъ Іосифъ.

1 Іюня 1903 г.
